

Часть первая

Пролог

*Бофорт, Южная Каролина
Июль 1955 года*

Вдруг что-то вспыхнуло, раздался взрыв, а следом содрогнулся липкий ночной воздух... на улице творилось что-то непонятное и жуткое одновременно. Эдит Хейвард моментально поняла: случилось страшное. Такое ощущение, будто чей-то зловещий призрак легкой тенью скользнул через порог пустого дома... или сам собой повернулся ключ в запертой на замок двери. Окна мансарды были распахнуты настежь, но понять происходящее было трудно. Эдит почувствовала, как у нее пробежал холодок по спине и перехватило дыхание. Она застыла, объятая ужасом. Случилось что-то страшное, снова мелькнуло у нее в голове, и кожа моментально покрылась пупырышками.

Она оторвала взгляд от разглядывания кисточки. Крохотная капля алой краски упала на крахмаленный ночной пеньюар из белого хлопка, в который она только что нарядила куклу. Потом она взглянула на китайские колокольчики, которые сама смастерила из крохотных кусочков стекла, подобранных на берегу моря. Смастерила и повесила на улице прямо за окном, чтобы слушать музыку ветра. Но какая там музыка? Летом в Южной Каролине такая духота, что каждый звук, не успев набрать мощь, тут же замирает и гаснет в этом спертom воздухе.

Колокольчики висели без движения вот уже несколько месяцев. Но сейчас вдруг тихо звякнули, будто какой-то невидимый порыв ветра потревожил голубоватые и зеленые стекляшки и они неожиданно задергались сами по себе, словно висельник на перекладине.

Эдит бросила испуганный взгляд на запертую дверь. А вдруг это муж вернулся? Он не любит, когда она запирает дверь на ключ. Снова начнет беситься. Синяки, умело поставленные на ее руках, — весомое тому доказательство. Но синяки легко скрыть под длинными рукавами блузки. Хотя эти увечья уже успели впечататься не столько в кожу, сколько в ее память. Эдит машинально уронила кисть, даже не обратив внимания на то, что брызги алой краски обрушились на кукольный домик, обустройством которого она как раз занималась. Надо быстрее отпереть дверь, отнести кукольный домик и корзинку с рукодельными принадлежностями вниз, на кухню, и успеть управиться до того, как у Кэлхуна появится очередной повод закатить скандал из-за ее нерасторопности.

Но не успела Эдит соскользнуть с табуретки, как небо за окном вспыхнуло огненным заревом. Раздался мощный взрыв, и снопы искр посыпались в реку, мгновенно осветив и ее, и болота на другом берегу. Свет был таким ярким, что на какое-то время померкли даже звезды на небе. Вот необыкновенно яркий, ослепительный луч высветил на долю секунды китайские колокольчики. Казалось, он пронзил насквозь матовые стеклышки, которые продолжали болтаться в воздухе, мелодично позвякивая вопреки всему тому хаосу, который творился вокруг, и на земле, и на небе. Впрочем, небо, расцвеченное сотнями огней, казалось почти праздничным, каким оно бывает, когда запускают фейерверки. Мириады огненных шаров плавно скатывались сверху к воде и тут же превращались в клубы пара, стоило им только коснуться речной глади.

То там, то здесь на реке раздавались взрывы, но уже меньшей мощности и громкости. Их раскаты долетали до берега и неслись туда, где, словно скворечники, сгрудились крохотные лачуги, в которых жили рабочие-мигранты. Ветхие крыши, лужайки размером с ладонь перед каждым домом, покрытые пожухшей от жары травой. Легкая добыча для ненасытной огнедышащей стихии. Эдит высунулась из окна почти по пояс и прислушалась. Вой пожарных сирен где-то вдалеке, истошные вопли людей, крики, стоны... И какой-то непонятный запах. В воздухе одновременно пахло паленым деревом и чем-то резким, острым, похожим на керосин или какое-то другое горючее топливо. Она вдруг вспомнила, что слышала гул самолета, когда работала над нарядом куклы. И почти сразу же земля как будто содрогнулась. Получается, что ей уже известно, что именно сыплется сейчас с небес.

Но тут она услышала, как громыхнуло уже рядом, прямо над ее головой. Что-то тяжелое покатилося по крыше, рухнуло вниз и упало напрямиком в сточную канаву. Грохот прекратился, но можно лишь догадываться о том, что только что скатилось с крыши их дома и осталось лежать на заднем дворе.

Эдит опрометью ринулась из мансарды вниз. Здоровенные синяки на бедрах доставляли боль при каждом движении, но кое-как она все же преодолела один лестничный пролет, ведущий на второй этаж, туда, где находилась детская. А там безмятежно спал ее трехлетний сынишка Сиджей, мирно посапывал во сне, даже не подозревая о том, что сыплется на их головы с неба. Она схватила мальчика на руки вместе с одеяльцем, в которое он крепко вцепился обеими ручонками, прижала к груди, вдохнув в себя теплую испарину, исходящую от его тельца.

Мальчик захныкал, но Эдит устремилась к выходу, не обращая внимания на его сонные всхлипы.

Она распахнула настежь парадную дверь и выбежала на крыльцо — широченное крыльцо под портиком, подпираемое с обеих сторон массивными колоннами. Остановилась на мгновение, чтобы перевести дыхание, и взглянула на другую сторону улицы, туда, где в ночной мгле змеилась река, вздыбленная клубами пара. Она увидела, как ее соседи толпами устремились к реке. Значит, то, что произошло, случилось не здесь, прямо у них на участках, а где-то дальше, в другом месте. Она тоже выбежала на улицу, но вместо того, чтобы присоединиться к толпе, развернулась лицом к дому и стала внимательно изучать крышу. Вдруг огонь уже начал пожирать и ее?

К счастью, никаких внешних признаков возгорания Эдит не заметила. Крыша как крыша, ничего необычного... Точно такая же, какой она увидела ее впервые, когда восемь лет тому назад переехала в дом мужа. Вспомнила, как она, стоя на берегу отвесного утеса, разглядывала эту темную крышу, которая, как ей показалось тогда, загородила собой все небо.

Прижимая к себе сынишку, который удобно устроился на ее плече, Эдит торопливо распахнула калитку, ведущую в сад, раскинувшийся вдоль проезжей части дороги, и двинулась вокруг дома, внимательно приглядываясь по сторонам. Интересно, что же это такое могло рухнуть с небес на крышу ее дома? А вдруг это «что-то» уже всюду полыхает огнем? И что тогда ей делать? Пожалуй, единственное подсобное средство для тушения огня — это одеяльце сына, но его явно будет недостаточно. А может, и не надо приниматься за тушение? Лучше подождать, пока огонь перекинется и на сам дом, а потом стоять и наблюдать за тем, как он горит и превращается в пепел, сгорая дотла.

Она внимательно оглядела свои цветники: единственное хобби, которое поощрял ее муж. В саду приятно пахло лимонами и чайными оливами. Их аромат был настолько силен, что почти перебивал едкий запах гари, который волнами долетал сюда с реки. Круглый диск луны неотступно следовал за ней по дорожке, вымощенной белым известняком. Она миновала свой розарий, заросли кустарника будлея, которые окружили дом со всех сторон. Быть может, искомое ею «что-то» упало именно сюда, в эти заросли.

Внезапно нога ее уперлась во что-то твердое и тяжелое, а ведь у нее на ногах всего лишь легкие домашние шлепанцы. Она вздрогнула от неожиданности и тут же замерла в ужасе при виде оторванной руки, зажавшей в крепко стиснутом кулаке розу. Эдит инстинктивно прижала свободную руку к сердцу, пытаясь остановить бешеное сердцебиение. И тут до нее дошло, что это всего лишь часть мраморной статуи. Статуя святого Михаила, она всегда стояла у них в саду, с тех самых пор, как она ее тут сама поставила, когда поняла, что в этом доме ей постоянно нужен защитник и заступник. И святой Михаил всегда был рядом с ней, неотступно наблюдая за тем, как она возится в саду со своими цветами. Словом, незримо присутствовал в ее жизни.

И вот, судя по всему, статуя разлетелась вдребезги. Приглядевшись повнимательнее, она обнаружила, что чуть поодаль на дорожке среди груды поломанных веток дуба валяется голова скульптуры. Святой Михаил слепо таращился пустыми глазницами в небо, залитое лунным светом. Эдит сделала еще один шаг вперед по направлению к обломкам и снова споткнулась о что-то твердое и непонятное, сокрытое в тени благоухающих самшитовых деревьев.

Вопли новых сирен влились в какофонию звуков, царящих вокруг. Кажется, весь их городок уже стоит на

ушах. Но Эдит была всецело занята своими поисками. Опустившись на колени прямо на дорожке и не обращая внимания на шум, она принялась шарить по земле руками, и тут взгляд ее выхватил из темноты коричневый кожаный чемодан, который стоял торчком прямо перед нею. Чемодан в ее саду! Такое впечатление, будто какой-то неожиданный гость вот-вот позвонит в дверь ее дома.

СиДжей нервно заерзал на ее плече, а она между тем лихорадочно соображала, что делать с этой находкой. Не оставлять же чемодан здесь, на улице. Она еще крепче обхватила сына левой рукой и прижала к себе, превозмогая резкую боль, которая прокатилась по всей грудной клетке. Синяки снова напомнили о себе. Правой же рукой она взялась за ручку чемодана и слегка приподняла над землей, прикидывая, сколько он может весить. К счастью, чемодан оказался гораздо легче, чем она предполагала. Эдит подхватила чемодан и медленно побрела к черному входу, кое-как вскарабкалась по ступенькам крыльца, открыла дверь и вошла на пустую кухню.

Пристроив сынишку в детский манеж, Эдит погрузилась в изучение коричневого чемодана. Итак, большая дыра в нижнем левом углу. Навесные петли тоже сильно покорезены, но не сломаны. Словом, общее состояние вещи вполне сносное. Получается, что те сломанные ветки дуба, которые образовали целую кучу на земле, порушились еще до того, как чемодан упал на крышу. На ручке чемодана болталась бирка с фамилией пассажира, приковывая к себе внимание и буквально умоляя взглянуть на нее повнимательнее.

Надо звонить в полицию. Сообщить им, что у нее имеется вещественное доказательство чего-то очень страшного, что случилось сегодняшней ночью в небе над Южной

Каролиной. Вдруг кто-то из пассажиров выжил и сейчас занят поисками именно этого чемодана? А чемодан в это время преспокойно лежит себе на полу ее кухни. Однако... Эдит вдруг почувствовала некое внутреннее сопротивление. Она и сама не смогла бы объяснить себе, почему ей не хочется звонить в полицию и почему пока лучше все оставить как есть. Пожалуй, завеса таинственности во-круг всего случившегося даже слегка щекотала ей нервы. Она почувствовала, как в ней снова просыпается прежний бунтарский дух, который за годы замужества она научилась хорошо прятать от окружающих.

Эдит поджала губы и с самым решительным видом нажала на кнопку замка. А вдруг чемодан откроется? Вдруг защелка сработает сама собой? Но что, если замок повредился при падении чемодана и сейчас вообще не откроется? Вот тогда уж точно придется звонить в полицию.

Эдит услышала легкий шум из манежа и повернулась. Сиджей безмолвно наблюдал за матерью своими широко распахнутыми голубыми глазами.

— Мама?

Эдит ласково улыбнулась сынишке.

— Все хорошо, моя радость! Ложись опять на спинку и спи, ладно?

— Чемодан, — констатировал мальчонка после секундной паузы, засовывая себе в рот большой палец. Уж сколько раз ей доставалось за эту вредную, по мнению отца, привычку сынишки от Кэлхуна, который требовал, чтобы она отучила ребенка сосать собственный палец.

— Да, мой дорогой. Это чемодан. А сейчас ложись и спи.

Но мальчик остался стоять, продолжая внимательно наблюдать за тем, что она делает. Что ж, своим упрям-

ством СиДжей пошел в нее, и Эдит совсем не хотелось душить в своем ребенке этот бунтарский дух.

— Хорошо! Можешь посмотреть за тем, чем я тут занимаюсь, какое-то время. Если хочешь... Я отлучусь на минутку, ладно?

Эдит поцеловала сынишку в покрытый испариной лоб и, выбежав из кухни, заторопилась к парадной двери. Осторожно приоткрыла ее и выглянула на улицу. Больше всего на свете она боялась неожиданного возвращения мужа. Даже толпа разгневанных людей, устремившихся на поиски блуждающего невесть где чемодана и марширующих к ее дому, напугала бы гораздо меньше. Запах гари и дыма ударил в нос. Шум тоже стал еще сильнее. Небо озарялось зловещим оранжевым светом, выхватывающим из темноты поля за рекой, засеянные окрой, и арбузные бахчи. Сирены продолжали выть на все голоса, буквально раздирая на части ночную темень.

Эдит снова нырнула в дом, закрыла за собой дверь и заперла ее на ключ. И поспешила на кухню, где ее поджидал найденный чемодан. Бросив мимолетный взгляд на СиДжея, который продолжал сосредоточенно обсасывать свой палец, внимательно разглядывая все вокруг отцовскими глазами, Эдит взялась за чемодан и потрогала рукой бирку, пытаясь прочитывать фамилию пассажира и его адрес. Но влага уже успела проникнуть внутрь пластиковой обертки, предохраняющей целостность бумажной бирки. В результате чернила расплылись и буквы стали почти нечитаемыми. Во всяком случае, адрес ей так и не удалось разобрать. С большим трудом она прочитала только имя: Генри П. Холден. Внимательно оглядев ручку чемодана, она увидела на ней монограмму, выбитую крупными золотыми буквами: ГПХ. Эдит попыталась представить себе облик потенциального владельца чемодана:

мужчина средних лет, в темном костюме и шляпе, летел куда-то по делам. Женат. Дома его наверняка дожидаются жена и ребенок. Она вдруг подумала о том, каково это — узнать, что твой муж погиб в авиакатастрофе. Интересно, кто сообщит близким о его гибели? Но вдруг он остался в живых? А можно ли вообще уцелеть, свалившись с неба на землю?

Она машинально нажала на кнопку замка, и он тут же сработал и открылся. Хороший знак, подумала Эдит и принялась открывать боковые замки. Один тоже открылся с первого раза, с другим, тем, что находился рядом с искореженным углом чемодана, пришлось повозиться, покрутить его в разные стороны. Но наконец и с этим замком было покончено.

Эдит водрузила чемодан на кухонный стол и распахнула крышку, потом отстегнула разделительные прокладки и сдвинула их в сторону. Чемодан был набит до отказа. Аккуратные стопки белых накрахмаленных и наутюженных мужских сорочек к вечерним костюмам, несколько пар брюк, стопка таких же белоснежных маек, еще одна стопка батистовых носовых платков, несколько шляп-котелков. Вещи были упакованы так плотно, что даже при падении чемодана с высоты ничто не смялось и не выпало со своего места.

Эдит уловила легкий запах знакомого моющего средства. Она и сама пользуется этим же средством при стирке. Такое чувство, словно вещи, лежавшие в чемодане, она совсем недавно пропустила через собственную стиральную машину. Само собой, чемодан паковала женщина, видно с первого же взгляда. Эдит невольно улыбнулась своей догадливости, но тут же спохватилась и моментально посерьезнела, представив себе на мгновение безжизненное лицо женщины, медленно бредущей по

темному коридору туда, где стоит телефон, уже буквально раскалившийся от количества звонков.

Эдит снова окинула пристальным взглядом ворох одежды. От ее зоркого глаза не ускользнула ни одна мелочь: плотность рубашечной ткани, качество тончайшего батиста носовых платков. А из какого шикарного габардина пошиты брюки этого незнакомого ей Генри Холдена! И какое безукоризненно чистое и аккуратное у него все исподнее. Каждый носовой платок украшен искусно вышитой ярко-красными нитками монограммой: все те же буквы — ГПХ. Да, все свидетельствует в пользу того, что чемодан принадлежит человеку, который отправился в деловую поездку. Но когда она внимательнее пригляделась к содержимому чемодана, то одна вещь сразу же напрягла ее. Во всяком случае, ее отсутствие сразу же бросалось в глаза.

Когда-то Кэлхун признался жене, что в ней его в первую очередь привлек ее аналитический склад ума. Впрочем, чему удивляться? Единственный ребенок полицейского детектива-вдовца. И вот красавец адвокат Кэлхун Хейвард появляется в их небольшом городке Уолтерборо для участия в каком-то судебном процессе. Лучше бы ей на момент их первой встречи притвориться такой несмышленной дурочкой. Потому что, как выяснилось уже потом, именно такая женщина ему и была нужна. Дурочка без каких-либо там умственных задатков и дополнительных опций.

Между тем Сиджей заснул в своем манеже, прямо стоя. Его головка свесилась вниз, почти касаясь перила. Но палец он продолжал упорно держать во рту. Эдит бросила лихорадочный взгляд на циферблат круглых металлических часов, висевших над раковиной. Кэлхун мог появиться в любую минуту и обнаружить, что, во-первых,

входная дверь заперта, а во-вторых, на кухонном столе валяется чужой чемодан, явно принадлежащий какому-то мужчине. Интересно, где сейчас находится ее муж? И с кем? Наблюдал ли он крушение самолета собственными глазами? Соизволил ли побеспокоиться о том, где сейчас его жена и сын и что с ними?

Эдит поспешно вернула разделительные прокладки на прежнее место и снова пристегнула их. Получилось не с первой попытки, ибо она действительно очень спешила, даже руки стали немного трястись. Так все же что показалось ей странным при созерцании содержимого чемодана? Что не так? Несессер! Ну конечно же! Она не обнаружила в чемодане несессера с мужскими косметическими принадлежностями. А какой же мужчина отправится в командировку без этого обязательного атрибута? Крем для бритья, бритвенный прибор и прочее... Она снова сдвинула прокладки в сторону и взглянула на аккуратно уложенные стопки носильных вещей, потом принялась изучать крайнюю стопку, в которой вещи немного сбились в сторону. Она отодвинула стопку к самому бортику чемодана и увидела небольшой карман сбоку. Как раз туда легко бы мог поместиться мешок с косметическими принадлежностями. Но его там не было. Эдит в задумчивости прикусила губу. Может, мистер Холден извлек его из чемодана перед тем, как сдать чемодан в багаж? Решил, что кое-что может понадобится ему во время полета.

Эдит мысленно улыбнулась. Вопросы, вопросы... В свое время именно отец научил ее задавать несметное количество вопросов по любому поводу. С тех давних пор пылливость и любознательность стали частью ее натуры. И это сильно помогало ей в жизни и даже спасало до некоторой степени. Особенно когда после нескольких неудач-